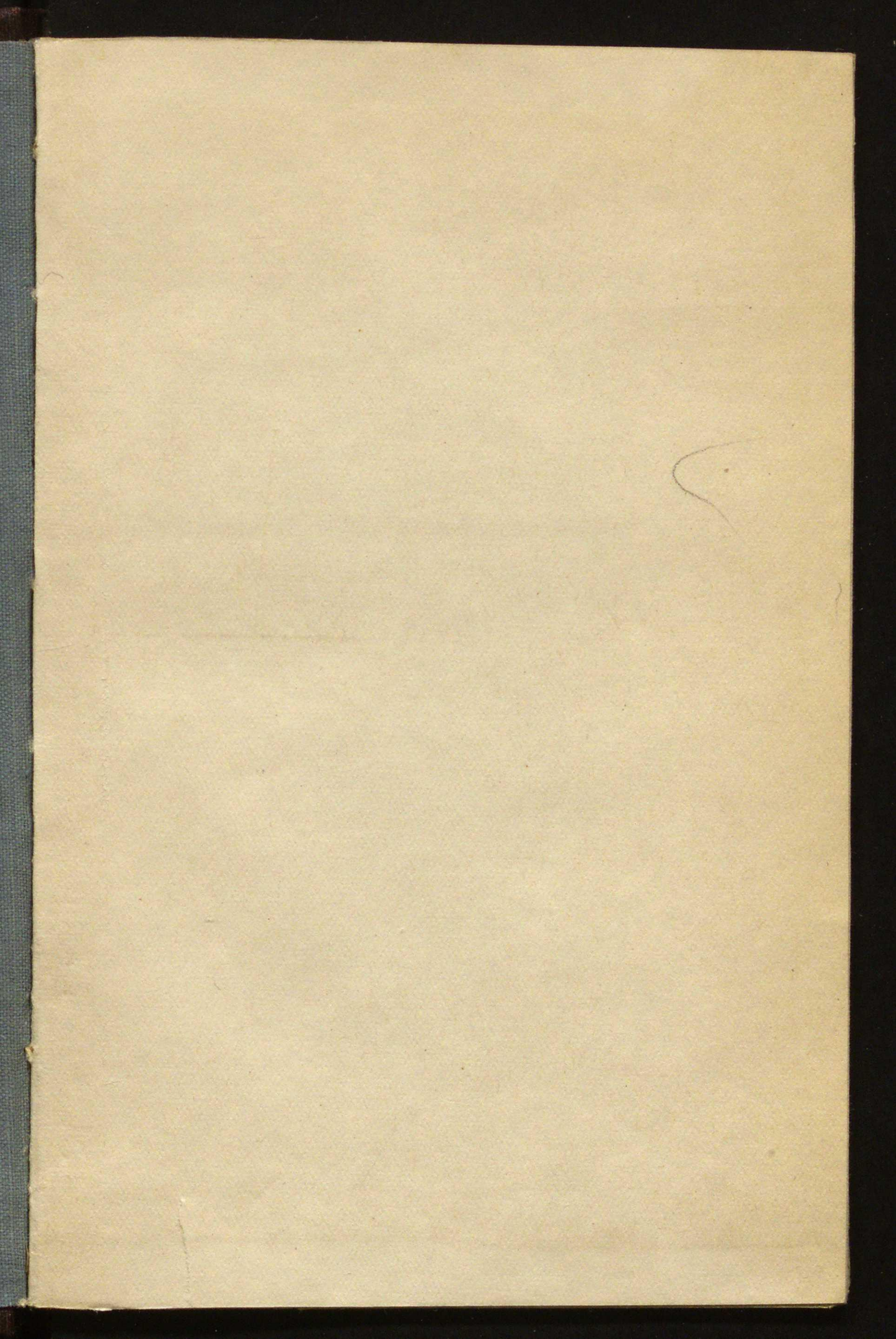
очие

ИНДѢЙСКАЯ
ХИЖИНА,

Сочиненіе

Г. де Сентъ-Пьера.

Перевела съ Французскаго

К. С.

МОСКВА,

ВЪ Университетской Типографіи,

у Ридигера и Клаудія.

1794.

* * *

ОДОБРЕНІЕ.

По приказанію Императорскаго Московскаго Университета Господъ Кураторовъ я читалъ сію книгу, подъ заглавіемъ: Индѣйская Хижина, *и не нашелъ въ ней ничего противнаго наставленію, данному мнѣ о разсматриваніи печатаемыхъ въ Университетской Типографіи книгъ; почему оная и напечатана быть можетъ. — Логики и Метафизики Профессоръ и печатаемыхъ въ Университетской Типографіи книгъ Ценсоръ,*

Андрей Брянцевъ.

ИНДѢЙСКАЯ ХИЖИНА.

Лѣтъ тридцать тому назадъ собралась въ Лондонѣ компанія Аглинскихъ ученыхъ, и приняла намѣреніе ѣхать въ разныя части свѣта, дабы распространить познанія во всѣхъ наукахъ, и просвѣтивъ людей, здѣлать ихъ болѣе щастливыми. Она получила нужное на издержки отъ компаніи подписавшихся изъ той же націи, какъ-то отъ купцовъ, Лордовъ, Епископовъ, Университетовъ и Королевской Аглинской фамиліи, къ которой присоединились еще нѣкоторые Государи Сѣверной Европы. Число сихъ ученыхъ простиралось до двадцати человѣкъ, и Королевское общество въ Лондонѣ дало каждому изъ нихъ по книгѣ, содержавшей въ себѣ вопросы, на

 ко-

которые надлежало привезти рѣшенiе. Такихъ вопросовъ здѣлано было 3500. Хотя они и были разные для каждаго изъ сихъ ученыхъ, и приличны землѣ, въ которой ему надлежало путешествовать; но связаны между собою такъ, что свѣдѣнiе, которое распространялось на одинъ вопросъ, должно было непремѣнно распространяться на всѣ другiе. Предсѣдатель Королевскаго общества, которой сочинялъ ихъ съ помощiю своихъ товарищей, очень чувствовалъ, что объясненiе одной трудности зависитъ часто отъ рѣшенiя другой, а сiя отъ предшествовавшей имъ обѣимъ; по чему изысканiе истинны не такъ-то легко, какъ иные думаютъ. Наконецъ, говоря выраженiями самаго Предсѣдателя, употребленными въ инструкцiяхъ, изъ того вышло бы самое великолѣпное Энциклопедическое зданiе, какого еще не воздвигалъ ни одинъ народъ въ пользу свѣдѣнiй чело-

вѣческихъ; а сїе доказываетъ; присовокуплялъ онъ, необходимость Академiй и Академиковъ, долженсвующихъ сближать истинны, разсѣянныя по всей землѣ.

Каждой изъ ученыхъ путешественниковъ имѣлъ, кромѣ своей книги вопросовъ, коммисїю купить на дорогѣ нѣсколько самыхъ древнихъ экземпляровъ Библїи, и рѣдкихъ манускриптовъ во всякомъ родѣ, или по крайней мѣрѣ ничего не жалѣть, чтобъ достать хорошїя съ оныхъ копїи. Для сего подписавшїеся дали имъ рекомендательныя письма къ Консуламъ, Министрамъ и Посланникамъ Великобританскимъ, которые могли встрѣтиться на пути ихъ; а что еще лучше, множество векселей, подписанныхъ самыми лучшими Лондонскими банкирами.

Самой ученой изъ Докторовъ, которой зналъ по-Еврейски, по-Арабски и древней Индѣйской языкъ, посланъ былъ сухимъ пу-

тѣмъ въ Восточную Индїю, колыбель всѣхъ художествъ и наукъ. Онъ поѣхалъ сперва чрезъ Голландїю, осмотрѣлъ Амстердамскую Синагогу и Дордрехтской Синодъ; во Францїи Сорбонну и Парижскую Академїю наукъ; въ Италїи множество Академїй, Музеевъ и библїотекъ, между прочимъ Флорентинской Музей, библїотеку Святаго Марка въ Венецїи, а въ Римѣ Ватиканскую. Будучи въ семъ послѣднемъ, онъ колебался, не отправиться ли прежде отъѣзду на Востокъ, въ Гишпанїю, дабы посовѣтоваться съ славнымъ Саламанкскимъ Университетомъ; но боясь Инквизицїи, онъ почелъ за лучшее сѣсть на корабль, и ѣхать прямо въ Турцїю. И такъ онъ прибылъ въ Константинополь, гдѣ за деньги Эффенди позволилъ ему перебрать всѣ книги въ мечети Святыя Софїи. Оттуда поѣхалъ онъ въ Египетъ къ Кофтамъ; потомъ къ Маронитамъ Ливанской горы, къ монахамъ горы Кассинъ и

въ Сану, что въ Аравіи; послѣ въ Испагань, въ Кандагаръ, Дели и Агру; наконецъ послѣ трехъ лѣтъ странствованія прибылъ онъ на берега Ганга, въ Бенаресъ, Индѣйскія Аѳины, и тамъ бесѣдовалъ съ Браминами. У него было тогда гораздо болѣе старинныхъ изданій, оригинальныхъ книгъ, рѣдкихъ манускриптовъ, копій, выписокъ и замѣчаній во всякомъ родѣ, нежели у кого нибудь изъ частныхъ людей. Довольно сказать, что они состояли въ 90 кипахъ, въ которыхъ вѣсу было 9540 фунтовъ. Онъ хотѣлъ уже отправиться въ Лондонъ съ такимъ богатымъ грузомъ познаній, исполненный радости, что превзошелъ ожиданіе Королевскаго общества, какъ вдругъ простая мысль возмутила его спокойствіе.

Ему представилось, что послѣ умствованій съ Жидовскими раввинами, съ Протестантскими пасторами, Супер-интендентами Лютеран-

ранскихъ церквей, Католическими Докторами, Парижскими Академиками, и членами Круски, Аркадъ и двадцати четырехъ другихъ славнѣйшихъ Италїянскихъ Академїй, съ Греческими священниками, Турецкими Моллами, Армянскими Вербистами, съ Персидскими Седрами и Казїями, Арабскими Шеиками, древними Парсисами, Индѣйскими Пандектами, онъ не только не объяснилъ ни одного изъ 3500 вопросовъ Королевскаго собранїя, но еще умножилъ сомнѣнїя; а какъ вопросы всѣ связаны были другъ съ другомъ, то выходило, вопреки мнѣнїю знаменитаго Предсѣдателя общества, что темнота въ одномъ рѣшенїи затмѣвала ясность другаго; что самыя очевидныя истинны дѣлались загадками, и что не возможно было отличить ни одной въ семъ обширномъ лабиринтѣ отвѣтовъ и противорѣчащихъ силъ.

Доктору показалось такъ съ перваго взгляду. Между сими во-

просами надобно было рѣшить 200 о Еврейской Теологіи, 480 о Богословіи Греческой и Римской; 312 о древней религіи Браминовъ; 508 о Ганскритскомъ, или священномъ языкѣ, 3 о настоящемъ состояніи Индѣйскаго народа, 211 о коммерціи Агличанъ въ Индіи; 7 9 о древнихъ монументахъ острововъ Элефанта и Сальсета близь острова Ромбея; 5 о древности свѣта, 673 о происхожденіи амбры, и о свойствѣ различныхъ родовъ безоара; 1 о невходившемъ еще въ разсмотрѣніе теченіи Индѣйскаго океана, которой разливается шесть мѣсяцовъ къ востоку и шесть мѣсяцовъ къ западу; и 378 о источникахъ и періодическихъ наводненіяхъ рѣки Ганга. Сверьхъ того Докторъ обязанъ былъ собирать все, что можно, касательное до источниковъ и наводненій рѣки Нила, которой занималъ уже нѣсколько столѣтій Европейскихъ ученыхъ. Но онъ почиталъ сію матерію довольно уже исчерпан-

ною, и притомъ несогласною съ его предметомъ. И такъ на каждой вопросъ, зделанной Королевскимъ обществомъ, онъ привезъ бы пять соединенныхъ и разныхъ рѣшенiй, которыя на 3500 вопросовъ составили бы 17500 отвѣтовъ; а естьли положить, что каждой изъ 19 его собратiй привезъ бы столько же, то вышло бы, что Королевскому обществу надлежало рѣшить 350,000 затрудненiй, прежде нежели ему можно было поставить хотя одну истинну на твердомъ основанiи. И такъ вся ихъ коллекцiя вмѣсто того, чтобъ сблизить каждой вопросъ съ общимъ средоточiемъ, какъ то гласила ихъ инструкцiя, отдаляла ихъ одинъ отъ другаго такъ, что не было возможности соединить ихъ. Другая мысль еще больше огорчала Доктора; она состояла въ томъ, что хотя онъ употреблялъ въ своихъ трудолюбивыхъ изысканiяхъ все хладнокровiе своего отечества, и

отмѣн-

отмѣнную учтивость; но снискалъ себѣ непримиримыхъ враговъ въ тѣхъ ученыхъ людяхъ, съ которыми онъ спорилъ.

Какъ могутъ быть спокойны, говорилъ онъ, мои соотечественники, когда я привезу имъ въ 90 кипахъ вмѣсто истинны новыя причины къ сомнѣнію и спорамъ?

Онъ хотѣлъ почти сѣсть на корабль, чтобъ ѣхать въ Англію, будучи исполненъ смущенія и скуки, какъ Бенаресскіе Брамины сказали ему, что главной Браминъ въ славномъ Жагренатскомъ капищѣ, лежащемъ на берегахъ Орикскихъ при морѣ, подлѣ устья Ганга, одинъ только могъ рѣшить всѣ вопросы Королевскаго общества въ Лондонѣ. Онъ былъ въ самомъ дѣлѣ такой пандектъ, или ученой, какого еще не бывало; съ нимъ приходили совѣтоваться изъ всѣхъ частей Индіи, и изъ многихъ Королевствъ Азіи.

Аглинской ученой поѣхалъ тотчасъ въ Калькуту, и адресо-

 вал-

вался къ Директору Аглинской компанïи въ Индïи, которой для чести своей нацïи, и для славы наукъ, далъ ему для переѣзду въ Жагренатъ паланкинъ съ шелковыми снурками, съ золотыми кистьми, съ двумя плечистыми носильщиками, которыхъ на каждой изъ двухъ станцïй было по четыре человѣка. Сверьхъ того онъ имѣлъ при себѣ двухъ слугъ, одного водоносца, одного шербетчика, человѣка для трубки, другаго для зонтиковъ, третьяго для факеловъ во время ночи, четвертаго для рубки дровъ, двухъ скороходовъ, четырехъ синаевъ или респутовъ на Персидскихъ лошадяхъ для его защиты, и одного знаменщика съ Аглинскимъ гербомъ. Многïе почли Доктора, судя по хорошему его экипажу, за Комисара Индѣйской компанïи. Розница была только въ томъ, что Докторъ вмѣсто того, чтобъ ѣхать за подарками, долженъ былъ самъ

везти ихъ съ собою. Такъ какъ не льзя показаться въ Индїи съ пустыми руками къ чиновнымъ людямъ; то Директоръ далъ ему на щетъ своей нацїи прекрасной телескопъ, и Персидской коверъ для начальника Браминовъ; превосходныя шиты для его жены, и три куска Китайской тафты красной, бѣлой и желтой, на кушаки его ученикамъ. Какъ скоро подарки были положены на верблюда, то Докторъ сѣлъ въ паланкинъ съ книгою Королевскаго общества.

Будучи въ дорогѣ, онъ думалъ о вопросѣ, какой предложить начальнику Жагренатскихъ Браминовъ, одинъ ли изъ 378 касательно до источниковъ и наводненїй рѣки Ганга, или одинъ изъ тѣхъ, которые относились до перемѣннаго и полу-годоваго теченїя Индѣйскаго моря, дабы открыть чрезъ то источники и перїодическїя движенїя Океана на всемъ земномъ шарѣ: но хотя вопросъ

просЪ сей несравненно былЪ любопытнѣе вЪ Физикѣ, нежели всѣ тѣ, которые дѣланы были столько вѣковЪ о источникахЪ и приращенiи рѣки Нила; однакожЪ онЪ ни мало еще не привлекЪ вниманiя ЕвропейскихЪ ученыхЪ. И такЪ онЪ счелЪ за нужнѣйшее спросить Брамина о повсемѣстности потопа, произведшей столько споровЪ; или, простираясь далѣе, правда ли, что солнце многократно перемѣняло свое теченiе, восходя отЪ запада и заходя на востокЪ, какЪ говоритЪ преданiе ЕгипетскихЪ жрецовЪ, упоминаемое ГеродотомЪ; наконецЪ о времени сотворенiя земли, которой Индѣйцы даютЪ нѣсколько милiоновЪ лѣтЪ древности. Иногда казалось ему полезнѣе посовѣтовать сЪ нимЪ о лучшемЪ образѣ правленiя и о правахЪ человѣка, которыхЪ не изображено ни вЪ какой законной книгѣ; но сихЪ послѣднихЪ вопросовЪ не было вЪ его инструкцiи.

Ме-

Между тѣмъ, говорилъ Докторъ, прежде всего мнѣ казалось бы нужно спросить у Индѣйскаго пандекта, какимъ способомъ находить можно истинну; потому что естьли разумомъ, такъ какъ я и употреблялъ сей способъ, то разумъ не одинаковъ въ людяхъ: я долженъ также спросить у него, гдѣ надлежитъ искать истинну; ибо ежели въ книгахъ, то они всѣ другъ другу противорѣчатъ; наконецъ, должно ли сообщать людямъ истинну, потому что какъ скоро оную покажешь имъ, то съ ними поссоришься. Вотъ три предварительные вопроса, о которыхъ не думалъ знаменитой нашъ Председатель. Ежели Жагренатской Браминъ можетъ мнѣ рѣшить ихъ, то я получу ключь ко всѣмъ наукамъ; а что еще того лучше, буду жить въ согласіи со всѣми.

Такимъ-то образомъ разсуждалъ Докторъ съ самимъ собою. Послѣ десятидневнаго пути онъ прибылъ на берега Бенгальскаго

залива; видѣлъ на дорогѣ множество людей, возвращавшихся изъ Жагрената, и прославлявшихъ мудрость повелителя пандектовъ, съ которымъ они совѣтовались. Въ одиннадцатой день по восхожденіи солнца, онъ усмотрѣлъ славной Жагренатской пагодъ, построенной на берегу моря, которымъ онъ владѣлъ казалось судя по большимъ его краснымъ стѣнамъ и галлереямъ, куполамъ и башнямъ изъ бѣлаго мрамору. Онъ возвышался въ центрѣ девяти перспективъ изъ зеленѣющихъ всегда деревьевъ, и которыя вели къ толикомужъ числу Королевствъ. Каждая изъ сихъ перспективъ здѣлана изъ разныхъ родовъ деревъ, какъ-то изъ пальмовъ, тековъ, кокосовъ, манговъ, латановъ, канфорныхъ деревъ, бамбуковъ, банановъ и деревъ сандальныхъ, и идетъ къ Цейлану, Голькондѣ, Аравіи, Персіи, Тибету, Китаю, Королевству Авѣ, Сіяму и островамъ Индѣйскаго моря. Докторъ прибылъ

былЪ вЪ пагодЪ чрезЪ бамбуковую алею, насаженную по берегамЪ Ганга и острововЪ, лежащихЪ вЪ его устьѣ. Сей пагодЪ хотя построенЪ и вЪ равнинѣ; но такЪ высокЪ, что онЪ увидѣвЪ его поутру, не прежде могЪ до него достигнуть, какЪ ввечеру. ОнЪ изумился, разсмотря вблизи его пышность и величину. Его бронзовыя двери блистали отЪ лучей заходящаго солнца; и орлы плавали около его вершины, терявшейся вЪ облакахЪ. ОнЪ окруженЪ былЪ большими водоемами изЪ бѣлаго мрамору, которые на днѣ прозрачныхЪ водЪ своихЪ изображали его куполы, галлереи и двери; вокругЪ его находились пространные дворы и сады, окруженные огромными зданїями, вЪ коихЪ жили Брамины, вЪ немЪ служившїе.

Служители Доктора побѣжали обЪявить обЪ немЪ, и тотчасЪ показалась изЪ саду толпа молодыхЪ баядерокЪ, которыя пѣли

и плясали передъ нимъ при звукѣ бубновъ. Онѣ имѣли вмѣсто ожерельевъ веревочки изъ цвѣтовъ, такъ какъ и вмѣсто поясу гирлянды. Докторъ, окруженной ихъ благовонїемъ, танцами и музыкою, приближился къ вратамъ пагода, внутри котораго увидѣлъ Жагренатскую статую, освѣщенную многими золотыми и серебряными лампадами, седьмое воплощенїе Брамы въ видѣ пирамиды безъ ногъ и безъ рукъ, которыхъ онъ лишился, какъ хотѣлъ нести свѣтъ, чтобы спасти его; у его ногъ лежали кающїеся, изъ коихъ одни громко обѣщали въ день его праздника прицепиться плечами къ его колесницѣ; а другїе кинуться подъ колесы. Хотя видъ сихъ фанатиковъ, которые чрезвычайно вздыхали, произнося сїи ужасныя обѣщанїя, внушалъ нѣкоторой страхъ; однакожъ Докторъ готовъ былъ войти въ пагодъ, какъ одинъ старой Браминъ, стоявшїй

при

при дверяхъ онаго, остановилъ его, и спросилъ, какая причина привела его сюда. Узнавши то, онъ сказалъ Доктору, что будучи нечистой, онъ не могъ явиться ни въ Жагренатѣ, ни предъ его великимъ жрецомъ, не обмывшись три раза въ одной изъ купелей храма; и чтобъ онъ ничего не имѣлъ на себѣ изъ кожи какого нибудь животнаго, а особливо изъ коровей шерсти — потому что ее обожаютъ Брамины — ни свиной щетины, потому что они ея гнушаются. Какъ же мнѣ это здѣлать, отвѣчалъ ему Докторъ? Между подарками начальнику Браминовъ находится у меня Персидской коверъ изъ козъ Ангольскихъ, и Китайскія шелковыя матеріи. Всѣ вещи, отвѣтствовалъ Браминъ, приносимыя во храмъ Жагренатской, или его Великому жрецу, очищаются чрезъ самой даръ; но это не относится до вашей одежды. И такъ Докторъ принужденъ былъ снять съ себя

сертукъ изъ Аглинской шерсти; козловые башмаки и бобровую шляпу; послѣ чего старой Браминъ, обмывъ его три раза, надѣлъ на него шерстяной плащь краснаго цвѣту, и привелъ его къ дверямъ начальника Браминовъ. Докторъ хотѣлъ уже войти, держа подъ мышкою книгу вопросовъ Королевскаго общества, какъ предводитель спросилъ его, чѣмъ сія книга покрыта? Она переплетена въ кожу, отвѣчалъ Докторъ. Какъ, сказалъ Браминъ осердившись, не предупредилъ ли я васъ, что Брамины обожаютъ корову? И вы осмѣливаетесь предстать предъ ихъ начальника съ книгою, одѣтою въ телячью кожу? Докторъ былъ бы принужденъ итти мыться въ Гангъ, естьли бы не прекратилъ всѣхъ затрудненій, давъ нѣсколько золотыхъ денегъ своему предводителю. Онъ оставилъ книгу съ вопросами въ своемъ паланкинѣ, и утѣшился внутренно сими словами, про себя ска-

сказанными: „Наконецъ я здѣлаю только три вопроса Индѣйскому ученому. Я доволенъ буду, естьли онъ научитъ меня, какими способами искать истинну, или гдѣ можно ее найти, и должно ли сообщать людямъ.„

Старой Браминъ ввелъ Аглинскаго Доктора, одѣтаго въ шерстяной плащь, босикомъ и съ обнаженною головою, къ Великому Жагренатскому жрецу въ большую залу, поддерживаемую колоннами изъ сандальнаго дерева. Стѣны ея были зеленаго цвѣту; и оштукатурены коровьимъ навозомъ такъ свѣтло и гладко, что можно было глядѣться въ нихъ, какъ въ зеркало. Полъ былъ покрытъ самыми тонкими цѣновками, въ шесть футовъ въ длину и во столько же въ ширину. Внутри залы находилось возвышенное мѣсто, окруженное рѣшеткою изъ чернаго дерева; а на семъ возвышенномъ мѣстѣ виденъ былъ, сквозь Индѣйской тростникъ

съ лакомъ краснаго цвѣту, почтенной начальникъ Пандектовъ, съ бѣлою бородою и тремя шерстяными нитками вмѣсто перевязи по обычаю Браминовъ. Онъ сидѣлъ на желтомъ коврѣ съ поджатыми ногами, и такъ неподвижно, что не обращалъ и глазъ ни въ которую сторону. Нѣкоторые изъ его учениковъ отгоняли мухъ отъ него опахалами изъ павлиныхъ хвостовъ; другїе жгли въ серебряныхъ кадильницахъ благовонїе изъ алоеваго дерева; а иные играли очень прїятно на цимбалахъ; прочїе же въ великомъ числѣ, между коими находились Факиры, Гїогисы и Сантоны, поставлены были многими рядами съ двухъ сторонъ залы, и хранили глубокое молчанїе, имѣя глаза потупленные въ землю, и сложенныя на груди руки.

Докторъ хотѣлъ подойти къ главѣ Пандектовъ, чтобъ здѣлать ему свое привѣтствїе; но предводитель остановилъ его за девять

вять цѣновокъ, говоря ему, что Омраги или знатные Индѣйскїе господа не подходили ближе; что Раяги или Индѣйскїе Государи останавливались на шесть отъ него цѣновокъ; сыновья Могола за три, и что одинъ Моголъ пользовался честью подходить къ сему почтенному начальнику, чтобъ приложиться къ его ногамъ.

Между тѣмъ многїе Брамины принесли къ самому возвышенному мѣсту телескопъ, шиты, шелковыя матерїи и ковры, положенные Докторовыми людьми у дверей залы; и когда старой Браминъ поглядѣлъ на нихъ, не оказывая ни малѣйшаго удовольствїя, или неудовольствїя; то Брамины отнесли ихъ во внутреннїе покои. Аглинской Докторъ хотѣлъ сказать прекрасную рѣчь на Индѣйскомъ языкѣ; но его предводитель упредилъ, что онъ долженъ подождать, пока Великой жрецъ самъ его спроситъ. Онъ посадилъ его на полъ, положивъ ноги одну

на другую какъ у портныхъ, по обычаю сего мѣста. Докторъ внутренно сердился на сей обрядъ; но чего не можетъ здѣлать человѣкъ, дабы найти истинну, пришедши за нею въ Индїю!

Какъ скоро Докторъ сѣлъ, и музыка перестала играть; то послѣ нѣсколькихъ минутъ глубокаго молчанїя, начальникъ Пандектовъ спросилъ у него, за чѣмъ онъ прибылъ въ Жагренатъ?

Хотя Жагренатской жрецъ говорилъ по-Индѣйски такъ чисто, что нѣкоторая часть людей могла его слышать; однакожъ слова его были переносимы однимъ факиромъ къ другому, а симъ къ третьему, которой сообщалъ уже ихъ Доктору. Агличанинъ отвѣчалъ на томъ же языкѣ, что прибылъ въ Жагренатъ посовѣтоваться съ начальникомъ Браминовъ, котораго мудрость вездѣ прославляется; и желаетъ вопервыхъ знать, какимъ способомъ можно достигать истинны.

Отвѣтъ Докторовъ былъ пересказанъ начальнику Пандектовъ тѣми же переносчиками, которымъ порученъ былъ вопросъ. Сей же порядокъ наблюдался и въ продолженіи разговора.

Старой начальникъ Пандектовъ, собравшись съ мыслями, отвѣчалъ: „ Истинна познается только посредствомъ Браминовъ. „ Тогда все собраніе преклонило головы, удивляясь отвѣту своего начальника.

А гдѣ должно искать истинны, вскричалъ съ довольною живостью Аглинской Докторъ? Всякая истинна, отвѣчалъ старой Индѣйской ученой, заключается въ четырехъ книгахъ, писанныхъ уже за 120,000 лѣтъ на ученомъ языкѣ, о которомъ одни Брамины имѣютъ понятіе.

При сихъ словахъ раздались по всей залѣ громкія рукоплесканія. Докторъ, прибѣгши опять къ своему хладнокровію, сказалъ Великому Жагренатскому жрецу: поелику Богъ заключилъ истинну въ книгахъ, о которыхъ понятіе

однимъ только Браминамъ предоставлено; то изъ сего слѣдуетъ, что Богъ запретилъ познанïе истинны многимъ людямъ, которые не знаютъ даже, естьли Брамины въ свѣтѣ; и такъ ежели бы сïе было, то Богъ бы не былъ справедливъ.

Брамѣ такъ было угодно, продолжалъ Великой жрецъ. Не льзя ничего противопоставить волѣ Брамы. Рукоплесканïя въ залѣ умножились. Когда они утихли, то Агличанинъ предложилъ вопросъ: должно ли сообщать людямъ истинну?

Часто, сказалъ старый Пандектъ, благоразумïе требуетъ скрывать ее отъ многихъ; но долгъ велитъ сообщать ее Браминамъ.

Какъ, вскричалъ со гнѣвомъ Аглинской Докторъ, должно сообщать истинну Браминамъ, которые ее никому не открываютъ? Брамины право очень несправедливы!

При сихъ словахъ здѣлался ужасной бунтъ въ собранïи. Оно

слу-

слушало безъ ропоту, когда Богъ обвиняемъ былъ въ несправедливости; но не могло остаться равнодушнымъ, когда попрекъ сей коснулся до нихъ. Пандекты, Факиры, Сантоны, Гіогисы, Брамины и ихъ ученики, хотѣли всѣ вмѣстѣ спорить съ Аглинскимъ Докторомъ: но Великой жрецъ Жагренатской прекратилъ шумъ, захлопавъ въ ладони, и сказавъ громкимъ голосомъ: Брамины не спорятъ, такъ какъ Европейскіе Доктора. Послѣ сего вставши, онъ вышелъ при восклицаніяхъ всѣхъ слушателей, которые продолжали роптать противъ Доктора, и можетъ быть худо поступили бы съ нимъ, ежели бы не боялись Агличанъ, которые на берегахъ Ганга очень сильны. Когда Докторъ вышелъ изъ залы, то предводитель сказалъ ему: нашъ всепочтенной отецъ велѣлъ бы поднести вамъ по обыкновенію щербету, бетелю и благовоній; но вы его разсердили. Мнѣ бы

надобно сердиться, отвѣчалъ Докторъ, принявъ столько безполезныхъ трудовъ. Но на что вашъ начальникъ можетъ пожаловаться? Какъ!. сказалъ предводитель, вы хотите съ нимъ спорить? Развѣ не знаете, что онъ оракулъ Индіи, и что каждое изъ словъ его есть лучь премудрости? Я въ томъ никогда не сомнѣвался, сказалъ Докторъ, взявъ свой сертукъ, башмаки и шляпу. Время было дурно, и наступала ночь; онъ просилъ провести ее въ одномъ флигелѣ пагода; но ему отказали въ томъ, потому что онъ былъ франги, или нечистой.

Какъ церемонія причинила ему великую жажду, то онъ попросилъ пить. Ему принесли воды въ кружкѣ; когда онъ выпилъ, то ее разбили; для того что какъ франги, онъ осквернилъ ее своими губами. Тутъ Докторъ, будучи въ чрезвычайной досадѣ, позвалъ своихъ людей, которые изъ почтенія лежали на ступеняхъ

нихъ пагода, и сѣвши въ свой паланкинъ, отправился въ путь бамбуковою алеею, вдоль береговъ морскихъ, при ночномъ мракѣ и небѣ, покрытомъ густыми облаками. Въ продолженїе дороги онъ говорилъ самъ себѣ: — И такъ Индѣйская пословица очень справедлива: всякой Европеецъ, прїѣхавъ въ Индїю, научится терпѣнїю, естьли его не имѣетъ; а естьли имѣетъ, то его потеряетъ. Что касается до меня, то я лишился уже терпѣнїя. Какъ, я не могу узнать, что надобно для прїобрѣтенїя истинны, гдѣ искать ее, и должно ли сообщать людямъ? Такъ человѣкъ осужденъ вездѣ заблуждаться и спорить? Ну стоило ли труда ѣхать въ Индїю, чтобъ посовѣтоваться съ Браминами?

Между тѣмъ, какъ Докторъ разсуждалъ такимъ образомъ въ своемъ паланкинѣ, то здѣлалась вдругъ буря, которую называютъ въ Индїи тифономъ; вѣтеръ дулъ съ моря, и поворотивъ

тивъ воды Ганга, разбивалъ ихъ съ пѣною объ острова въ его устьѣ. Онъ подымалъ съ береговъ столбы песку, а изъ рощей множество листьевъ, которые несъ перемѣшанные между собою черезъ рѣку и поля до самыхъ облаковъ. Иногда онъ скрывался въ бамбуковой алеѣ; и хотя сей Индѣйской тростникъ былъ такъ высокъ, какъ самыя большія деревья; но онъ колебалъ его, какъ траву въ лугахъ. Посреди вихрей пыли и листьевъ видны были его длинныя перспективы въ чрезвычайномъ волненіи, изъ которыхъ одна часть преклонялась на право и на лѣво до самой земли, между тѣмъ какъ другая подымалась со стономъ. Доктор овы люди, боясь, чтобъ ихъ не раздавило, и чтобъ не утонуть въ водахъ Ганга, которыя уже выступали изъ береговъ, пошли чрезъ поля, направляя свой путь къ ближнимъ горамъ. Но наступила полночь, и они шли три

часа въ самой густой темнотѣ, не зная куда, какъ вдругъ молнія, разсѣкши облака и освѣтивъ весь горизонтъ, показала имъ вдали на правой сторонѣ Жагренатской пагодъ, острова Ганга, волнующееся море; а вблизи напротивъ ихъ небольшую долину, и лѣсъ между двумя холмами. Они удвоили шаги, чтобы въ немъ укрыться, и уже раздавались печальные удары грома, какъ они вошли въ долину. Она защищаема была скалами, и наполнена старыми деревьями чрезвычайной толщины. Хотя буря и нагибала верьхи ихъ съ ужаснымъ ревомъ; но ихъ толстые пни были непоколебимы, какъ утесы, ихъ окружавшіе. Сія часть древней рощи казалась убѣжищемъ спокойствія; но трудно было войти въ нее. Индѣйскіе тростники, извивавшіеся при входѣ, покрывали коренья деревьевъ; а ліаны, которыя шли съ одного дерева на другое, представляли со всѣхъ

сто-

сторонѣ зеленую ограду, въ коей видны были нѣкоторыя пещеры, неимѣвшія однакожъ выходу. Между тѣмъ рейспуты, открывъ дорогу саблями, доставили входъ и всей свитѣ съ паланкиномъ. Они почитали уже себя защищенными отъ грозы, какъ дождь, которой ливьмя лилъ, здѣлалъ около ихъ тысячу ручьевъ. Въ семъ замѣшательствѣ они увидѣли подъ деревьями, въ самомъ узкомъ мѣстѣ долины, огонь и хижину. Мазалхи побѣжалъ туда, чтобъ засвѣтить свой факелъ; но вскорѣ возвратился запыхавшись, и крича: Не подходите сюда; тутъ живетъ парія! Вся толпа испугавшись, закричала тотчасъ: парія! парія! Докторъ подумавъ, что это былъ какой нибудь лютой звѣрь, ухватился тотчасъ за пистолеты. Что это за парія, спросилъ онъ у того, кто несъ факелъ? Это человѣкъ, отвѣчалъ онъ, который не имѣетъ ни вѣры, ни закона. Это, присовокупилъ на-

чаль-

чальникъ рейспутовъ, Индѣецъ столь низкаго колѣна, что его позволено убить до смерти, ежели онъ кого тронетъ. Когда мы къ нему войдемъ, то намъ не льзя будетъ девять мѣсяцовъ входить въ какой нибудь пагодъ; и чтобы очиститься, то надобно будетъ купаться девять разъ въ Гангѣ, и столько же разъ быть окачену отъ руки Брамина съ головы до ногъ коровьею уриною. Всѣ Индѣйцы вскричали: мы не пойдемъ къ парїѣ! По чему вы знаете, сказалъ Докторъ тому, кто несъ факелъ, что вашъ соотечественникъ парїя, то есть: человѣкъ безъ вѣры и закона? По тому, отвѣчалъ несшїй факелъ, что какъ я отворилъ его хижину; то увидѣлъ, что онъ лежалъ съ своею собакой на той же рогожѣ, на которой его жена, коей онъ подавалъ пить въ коровьемъ рогѣ. Всѣ люди Докторовой свиты повторили: мы не пойдемъ къ парїѣ! Останьтесь здѣсь, когда хотите,

те, сказалъ имъ Агличанинъ; что касается до меня, то всѣ Индѣйскія секты равны, какъ скоро мнѣ надобно защититься отъ дождя. Сказавъ сіи слова, онъ выскочилъ изъ паланкина, и взявъ подъ мышку книгу вопросовъ и чемоданчикъ, а въ руки пистолеты и трубку, пошелъ одинъ къ дверямъ хижины. Не успѣлъ онъ постучаться, какъ человѣкъ очень кроткаго виду отворилъ ему двери, и тотчасъ удалился отъ него, сказавъ: Государь мой, я бѣдной парія, недостойный принять васъ; но ежели вы хотите укрыться у меня, то здѣлаете мнѣ великую честь. Братъ мой! отвѣчалъ Агличанинъ, принимаю отъ всего моего сердца твое приглашеніе. Между тѣмъ парія вышелъ съ факеломъ, имѣя на спинѣ связку сухихъ дровъ, а подъ рукою корзинку, наполненную кокосами и бананами; онъ подошелъ къ людямъ Докторовой свиты, которые стояли въ нѣ-

кото-

которомъ отдаленіи подъ деревомъ, и сказалъ имъ: Какъ вы не хотите здѣлать чести войти ко мнѣ; то вотъ фрукты, обернутые въ ихъ кожу, которые вы можете кушать не оскверняя себя; и вотъ огонь, чтобъ вамъ высушиться, и защитить себя отъ тигровъ. Богъ съ вами! Онъ вошелъ тотчасъ въ свою хижину, и сказалъ Доктору: Милостивой Государь, повторяю вамъ, что я бѣдной парія; но какъ по вашему бѣлому цвѣту и по вашей одеждѣ я вижу, что вы не Индѣецъ; то надѣюсь, что вы не отвергнете пищи, которую представитъ вамъ бѣдной вашъ служитель. Въ то же время онъ поставилъ на полу на рогожкѣ манговъ, яблоковъ, иньямовъ, печеныхъ папашовъ, жареныхъ банановъ, и горшекъ пшена сорочинскаго съ сахаромъ и съ кокосовымъ молокомъ; послѣ чего сѣлъ на свою рогожу, подлѣ жены и сына своего, спавшаго подлѣ нея въ колыбели.

Добродѣтельной человѣкъ, сказалъ ему Агличанинъ, ты превосходишь меня; потому что благотворишь тѣмъ, которые презираютъ тебя. Ежели ты не удостоишь меня своимъ собесѣдованїемъ; то я подумаю, что ты щитаешь меня злымъ человѣкомъ, и тотчасъ выду изъ твоей хижины, хотя бы дождь и промочилъ меня до нитки, или съѣли меня тигры.

Парїя сѣлъ на той же рогожѣ, на которой сидѣлъ его гость, и они оба начали ѣсть. Между тѣмъ Докторъ имѣлъ удовольствїе быть въ безопасности посреди бури. Хижина была непоколебима; ибо хотя и стояла она въ самомъ узкомъ мѣстѣ долины, но была построена подъ фиговымъ деревомъ, у котораго вѣтви, имѣя на концахъ новые корни, составляютъ великое число сводовъ, поддерживающихъ главной пень. Листья сего дерева были такъ часты, что ни одна капля воды

сквозь нихъ не проходила; и хотя слышанъ былъ страшный ревъ бури, перемѣшанный съ блистанiемъ молнiи, однакожъ дымъ отъ очага, которой выходилъ по срединѣ кровли, и свѣтъ лампады ни мало не колебались. Докторъ радовался болѣе спокойствiю Индѣйца и его жены. Ихъ робенокъ, такого же цвѣту и столь же гладкой, какъ черное дерево, спалъ въ своей колыбели: мать качала его ногою, дѣлая ему ожерелье изъ Ангольскаго гороху, чернаго и краснаго. Отецъ бросалъ попеременно на того и на другую нѣжные взгляды. Наконецъ самая собака брала участiе въ общемъ благополучiи; лежа съ кошкою подлѣ огня, она открывала изрѣдка глаза, и воздыхала, смотря на своего господина.

Какъ скоро Агличанинъ пересталъ ѣсть; то парiя подалъ ему горячiй уголь, чтобъ закурить трубку, и закуривши свою, далъ знакъ женѣ, которая при-

несла на рогожу двѣ чашки изъ кокосовъ и большую бутылку, наполненную пуншемъ, здѣланнымъ во время ужина изъ воды, арраку и изъ соку сахарнаго тростника.

Между тѣмъ, какъ они курили и пили попеременно, то Докторъ сказалъ Индѣйцу: Я почитаю тебя щастливѣйшимъ человѣкомъ, каковаго никогда еще не видывалъ, и слѣдовательно самымъ мудрымъ. Позволь мнѣ здѣлать тебѣ нѣсколько вопросовъ. Отъ чего ты такъ спокоенъ посреди столь страшной бури? Тебя защищаетъ только одно дерево, а деревья привлекаютъ молнію. Никогда, отвѣчалъ парія, молнія не упадаетъ на смоковницу баніановъ. Это очень примѣчательно, сказалъ Докторъ; но можетъ быть это дерево имѣетъ въ себѣ электрическую отторгательную силу, такъ какъ лавровое дерево. Я васъ не понимаю, продолжалъ парія; но моя жена

думаетъ, что это происходитъ отъ того, что нѣкогда Богъ Брама укрылся подъ его листьями; что касается до меня, то я думаю, что Богъ, давъ смоковницѣ баніановъ въ нашихъ бурныхъ климатахъ очень частые листья и своды, чтобъ укрывать подъ ними людей отъ бури, не позволяетъ, чтобы громъ поражалъ ихъ. Твой отвѣтъ очень благочестивъ, сказалъ Докторъ. И такъ твоя довѣренность къ Богу тебя обезпечиваетъ. Совѣсть ободряетъ больше, нежели знаніе. Скажи мнѣ пожалуй, какой ты секты, когда ни одинъ Индѣецъ не хочетъ имѣть съ тобою сношенія? Въ спискѣ ученыхъ сектъ, съ которыми я долженъ совѣтоваться, нѣтъ секты паріевъ. Въ какой странѣ Индіи стоитъ твой пагодъ? Вездѣ, отвѣчалъ парія: мой пагодъ есть натура; я покланяюсь ея Творцу при восхожденіи солнца, и благословляю его при захожденіи. Будучи наученъ

 не-

нещастїемъ, я никогда не отказываю въ помощи тому человѣку, которой еще нещастливѣе меня. Я стараюсь дѣлать щастливыми мою жену, моего сына, и даже мою кошку и собаку. Я ожидаю смерти подъ конецъ моей жизни, какъ прїятнаго сна ввечеру. Изъ какой книги почерпнулъ ты сїи правила, спросилъ Докторъ? Изъ натуры, отвѣчалъ Индѣецъ: я другой не знаю. Ахъ! это великая книга, сказалъ Агличанинъ; а кто тебя выучилъ читать ее? Нещастїе, отвѣчалъ парїя; потому что я родился отъ поколѣнїя, которое почитается низкимъ въ моей землѣ. Не возмогши быть Индѣйцомъ, я здѣлался человѣкомъ; будучи отвергнутъ обществомъ, я укрылся въ нѣдрахъ натуры. Но вѣрно у тебя есть книги въ уединенїи, сказалъ Докторъ? Ни одной, отвѣчалъ парїя; я даже и читать и писать не умѣю. Ты избавился отъ многихъ сомнѣнїй, сказалъ Докторъ,

торъ, потирая лобъ; что касается до меня, я былъ посланъ изъ Англіи, моего отечества, искать истинны посреди ученыхъ въ разныхъ странахъ, дабы просвѣтить людей и здѣлать ихъ болѣе щастливыми; но послѣ многихъ безплодныхъ поисковъ и тяжкихъ споровъ я заключилъ, что изысканіе истинны есть безуміе; для того что естьли найдешь ее, то не льзя открыть другимъ, не здѣлавъ себѣ множества непріятелей. Скажи мнѣ откровенно, не тѣхъ же ли и ты мыслей? Хотя я и незнающъ, отвѣчалъ парія; но какъ вы позволяете объявить вамъ мое мнѣніе, то я думаю, что всякой человѣкъ обязанъ искать истинны для собственнаго своего благополучія; а иначе онъ будетъ скупъ, честолюбивъ, суевѣренъ, золъ и даже людоѣдъ, смотря по предразсудкамъ и выгодамъ тѣхъ, которые его воспитали.

Докторъ, помышлявшій безпрестанно о трехъ вопросахъ, здѣланныхъ имъ начальнику Пандектовъ, былъ восхищенъ отвѣтомъ паріи. Поелику ты думаешь, сказалъ онъ, что всякой человѣкъ обязанъ искать истинны; то скажи мнѣ прежде всего, какимъ образомъ находить ее; ибо чувства насъ обманываютъ, а умъ еще болѣе приводитъ въ заблужденіе. Умъ у всѣхъ почти людей различенъ, смотря по ихъ выгодамъ и пристрастіямъ; и вотъ для чего онъ такъ непостояненъ по всей землѣ! Нѣтъ двухъ законовъ, двухъ націй, двухъ поколѣній, двухъ фамилій, что говорю я? двухъ человѣкъ, которые говорилибъ одинакимъ образомъ. Какъ же искать истинны безъ помощи ума? Я думаю, отвѣчалъ парія, что ее надобно искать съ простымъ сердцемъ. Чувства и умъ могутъ обманываться; но простое сердце хотя и можетъ

быть

быть обмануто, но само никогда не обманываетъ.

Твой отвѣтъ очень глубокомысленъ, сказалъ Докторъ. Сперва должно искать истинны своимъ сердцемъ, а не разумомъ. Люди всѣ одинаково чувствуютъ, но судятъ различно; потому что правила истинны заключаются въ натурѣ, а слѣдствія, ими выводимыя, въ ихъ частной пользѣ. И такъ съ простымъ сердцемъ должно искать истинны; ибо простое сердце никогда не можетъ притвориться, что будто бы слышитъ то, чего не слышитъ, и вѣритъ тому, чему не вѣритъ. Оно не заставляетъ обманываться, ни обманывать потомъ другихъ; слѣдовательно простое сердце вмѣсто того, чтобъ быть столь же слабому, какъ у многихъ людей, обольщаемыхъ своими выгодами, твердо и способно къ исканію и сохраненію истинны. Вы гораздо лучше разобрали мысль мою, нежели я самъ, сказалъ па-

рїя: истинна подобна росѣ небесной; для сохраненїя въ чистотѣ, надобно собирать ее въ чистой сосудъ.

Это очень хорошо сказано, чистосердечной человѣкъ, продолжалъ Агличанинъ; но труднѣйшее еще остается рѣшить. Гдѣ должно искать истинны? Простое сердце зависитъ отъ насъ; но истинна зависитъ отъ другихъ людей. Гдѣ найти ее, когда тѣ, которые окружаютъ насъ, заражены предразсудками, или своими выгодами, какъ-то случается по большой части? Я былъ у многихъ народовъ, рылся въ ихъ библїотекахъ, совѣтовался съ ихъ учеными, и нашелъ вездѣ только противорѣчїя, сомнѣнїя и тысячу разнообразныхъ мыслей. И такъ естьли не можно найти истинны въ славнѣйшихъ хранилищахъ человѣческихъ знанїй; то гдѣ ея искать? Къ чему послужитъ простое сердце между людьми, которые имѣютъ ложной разумъ и испор-

испорченное сердце? Истинна была бы для меня подозрительна, отвѣчалъ нарія, ежелибъ я получилъ ее посредствомъ однихъ людей; не между ими, но въ натурѣ надобно искать ея. Натура есть источникъ всего, что существуетъ; языкъ ея не такъ невразумителенъ и перемѣнчивъ, какъ языкъ людей и книгъ. Люди сочиняютъ книги, но Натура производитъ вещи. Основывать истинну на книгѣ, значитъ почти то же, какъ естьли бы основывать ее на картинѣ, или на статуѣ, которая можетъ занимать одну только область, и которую время перемѣняетъ ежедневно. Всякая книга есть произведенiе человѣка, а натура есть произведенiе Бога.

Это правда, сказалъ Докторъ, Натура есть источникъ натуральныхъ истиннъ; но гдѣ на примѣръ взять историческiя истинны, ежели не въ книгахъ? Какъ увѣриться въ истиннѣ происше-

ствія, случившагося за двѣ тысячи лѣтъ? Тѣ, которые предали намъ ее, не имѣлиль предразсудковъ и пристрастія? Съ простымъ ли сердцемъ они писали? А притомъ и книги, въ которыхъ изображена она, не имѣютъ ли нужды въ переписчикахъ, типографщикахъ, толкователяхъ и переводчикахъ; и всѣ сіи люди не портятъ ли болѣе или менѣе истинну? ты говоришь, что книга есть произведеніе человѣческое; слѣдовательно должно отказаться отъ всѣхъ Историческихъ истиннъ; потому что мы не иначе получаемъ ихъ, какъ чрезъ людей, подверженныхъ заблужденіямъ. А какая нужда для нашего благополучія, сказалъ Индѣецъ, въ Исторіи прошедшихъ дѣлъ? Настоящая Исторія есть Исторія прошедшихъ и будущихъ временъ.

Очень хорошо, сказалъ Агличанинъ; но ты согласишься, что моральныя истинны необходимы для благополучія человѣческаго. Какъ

же

же найти ихъ въ натуре? Животныя имеютъ войну между собой, убиваютъ другъ друга, и пожираютъ; самыя стихiи сражаются со стихiями; не уже ли люди должны поступать такимъ же образомъ? О нетъ, отвечалъ доброй парiя, каждой человекъ найдетъ правило своихъ поступокъ въ собственномъ сердце, ежели сердце его просто. Натура утвердила въ немъ законъ: не делай того другимъ, чего не хочешь, чтобъ тебе делали другiе. Правда, отвечалъ Докторъ; она основала выгоды рода человеческаго на нашихъ выгодахъ: но какимъ образомъ открыть истинную религiю между толикимъ множествомъ преданiй и обрядовъ, разделяющихъ родъ человеческой? Въ самой Натуре, отвечалъ парiя. Ежели мы будемъ разсматривать ее съ простымъ сердцемъ; то мы увидимъ въ ней Бога со всемъ его могуществомъ, премудростiю и благостiю; и какъ мы слабы, не-

знающи и бѣдны; то вотъ сколько причинъ, чтобъ намъ безъ всякихъ споровъ почитать его, просить и любить во всю жизнь нашу!

Я доволенъ, сказалъ Агличанинъ; но между тѣмъ скажи мнѣ, когда найдена истинна, то должно ли сообщать ее другимъ людямъ? Открывъ ее, ты навлечешь множество гонителей, живущихъ въ непрерывномъ заблужденіи, и увѣряющихъ притомъ, что это самое заблужденіе есть истинна, и что все, стремящееся къ ея разрушенію, есть заблужденіе.

Надобно, отвѣчалъ парія, открывать истинну людямъ, имѣющимъ простое сердце, то есть: добрымъ, которые ее ищутъ, а не злымъ, отвергающимъ ее. Истинна есть жемчужина, а злой человѣкъ крокодилъ, которой не можетъ ее привѣсить къ своимъ ушамъ. Естьли вы бросите жемчужину крокодилу; то онъ вмѣсто того, чтобъ ею украситься, захочетъ съѣсть ее; онъ переломаетъ

маетъ себѣ зубы, и съ ярости бросится на васъ.

Мнѣ остается здѣлать тебѣ одно возраженіе, продолжалъ Агличанинъ, а именно: изъ сказаннаго тобою слѣдуетъ, что люди осуждены заблуждаться, хотя истинна и нужна имъ; ибо когда они гонятъ тѣхъ, которые сообщаютъ имъ оную, то какой Докторъ осмѣлится учить ихъ? Тотъ, отвѣчалъ парія, которой самъ гонитъ людей, чтобъ показать имъ истинну; однимъ словомъ: нещастіе. О! что касается до этого, натуральной человѣкъ, прервалъ Агличанинъ; то я думаю, что ты ошибаешься. Нещастіе дѣлаетъ людей суевѣрными; оно ослабляетъ сердце и разумъ. Чѣмъ болѣе люди бѣдны, тѣмъ болѣе они подлы, легковѣрны и низки. Это отъ того, что они не довольно еще страждутъ, отвѣчалъ парія. Нещастіе подобно черной горѣ Бемберской, лежащей въ концѣ знойнаго Королевства Лаборъ:

ког-

когда вы на нее идете, то предъ вами нѣтъ ничего, кромѣ безплодныхъ утесовъ; но когда вы достигнете вершины, то увидите надъ собою небо, а подъ ногами своими Кашемирское Королевство.

Прекрасное и справедливое сравненіе, сказалъ Докторъ; всякой человѣкъ имѣетъ гору, на которую ему надобно взойти во время жизни. Твоя гора должна быть очень крута, добродѣтельной человѣкъ; ибо ты стоишь выше всѣхъ людей, сколько я ихъ ни знаю. И такъ ты былъ очень нещастливъ? Но скажи мнѣ напередъ, для чего твоя секта такъ унижена въ Индіи, а секта Браминовъ въ такомъ почтеніи? Я только что былъ у начальника Жагренатскаго пагода, которой не больше думаетъ своего идола, и заставляетъ себя почитать, какъ Бога. Для того, отвѣчалъ парія, что Брамины думаютъ, будто бы они произошли сначала

изъ

изъ головы Бога Брамы, а парія изъ ногъ его: они присовокупляютъ, что странствующій Брама попросилъ нѣкогда пищи у одного паріи, которой представилъ ему человѣческое мясо; и со времени этого преданія секта ихъ въ почтеніи, а наша проклинается во всей Индіи. Намъ не дозволено приближаться къ городамъ, и всякой наиръ или рейспутъ можетъ убить насъ, ежели мы подойдемъ къ нему очень близко. Клянусь Святымъ Георгіемъ, вскричалъ Агличанинъ, это очень глупо, очень несправедливо! Какъ могли Брамины внушить такое безуміе Индѣйцамъ? Уча ихъ оному съ самаго младенчества, отвѣчалъ парія, и повторяя это ученіе безпрестанно: люди учатся, какъ попугаи. Нещастной! сказалъ Агличанинъ, какъ же ты выдрался изъ пропасти поруганія, въ которую Брамины повергли тебя при самомъ рожденіи? Я ничего не нахожу прискорбнѣе для человѣка,

 какъ

какъ унизить его въ собственныхъ глазахъ; тогда пропадетъ у него первое изъ всѣхъ утѣшенїе; ибо вѣрнѣйшее есть то, которое находитъ онъ, входя въ самаго себя.

Я прежде всего говорилъ мысленно, прервалъ парїя: справедлива ли исторїя о Богѣ Брамѣ? Ее разсказываютъ только Брамины, имѣющїе въ томъ выгоду, чтобъ приписывать себѣ небесное происхожденїе. Они безъ сомнѣнїя выдумали, что одинъ парїя хотѣлъ здѣлать Браму людоѣдомъ, дабы отомстить парїямъ, которые отрекались вѣрить тому, что они разсказывали о своей святости. Послѣ этого я сказалъ себѣ: Положимъ, что сїи происшествїя и справедливы; но Богъ правосуденъ; онъ не можетъ здѣлать грѣшнымъ цѣлаго поколѣнїя за вину одного человѣка, когда оно въ томъ не участвовало. Но пусть и то правда, что вся секта парїевъ участвовала въ этомъ преступленїи; то ихъ потомки въ

томъ

томъ невиноваты. Богъ не наказываетъ въ дѣтяхъ проступковъ ихъ прадѣдовъ, которыхъ они и не видывали, такъ точно какъ не наказываетъ предковъ за грѣхи ихъ правнуковъ, которые еще и не родились. Но положимъ, что я участвую теперь въ наказанїи вѣроломнаго парїи, преступившаго противъ своего Бога за тысячу лѣтъ передъ симъ, не здѣлавъ самъ преступленїя; то можетъ ли что существовать ненавистное Богу? Естьлибъ я былъ проклятъ отъ Бога, то все, что я ни сажаю, не всходило бы. Наконецъ, сказалъ я: Положимъ, что Богъ меня и ненавидитъ, но онъ мнѣ дѣлаетъ добро; и такъ я буду стараться угождать ему, дѣлая по его примѣру добро тѣмъ, которыхъ бы мнѣ должно ненавидѣть.

Но, спросилъ Агличанинъ, какъ ты жилъ, будучи отвергнутъ всѣмъ свѣтомъ? Прежде всего, отвѣчалъ Индѣецъ, я сказалъ само-

мому себѣ: Ежели всѣ люди твои непрїятели, то будь самъ себѣ другомъ. Твои нещастїя не превышаютъ силъ человѣческихъ. Какъ ни великъ дождь, но одна капля его падаетъ вдругъ на маленькую птичку. Я ходилъ по лѣсамъ и вдоль рѣкъ искать себѣ пищи, но часто находилъ только дикїе плоды; притомъ долженъ былъ бояться лютыхъ звѣрей: такимъ образомъ узналъ я, что Натура ничего почти не сотворила для одного человѣка, и что она соединила мое существованїе съ существованїемъ общества, меня отвергнувшаго. Я посѣщалъ тогда опустошенныя поля, которыхъ великое множество въ Индїи, и находилъ всегда нѣкоторыя въ пищу служащїя растѣнїя, кои пережили погибель своихъ дѣлателей. Такимъ образомъ странствовалъ я изъ Провинцїи въ Провинцїю, будучи увѣренъ, что вездѣ найду пропитанїе себѣ въ развалинахъ

зем-

земледѣлія. Когда я находилъ сѣмена какого нибудь полезнаго растѣнія, то сѣялъ ихъ вновь, говоря самъ себѣ: Естьли они взойдутъ не для меня, то по крайней мѣрѣ для другихъ. Я чувствовалъ себя не столько нещастливымъ, видя, что могъ дѣлать нѣкоторое добро; а это же чувство влекло меня въ какой нибудь городъ. Я любовался издали ихъ стѣнами, башнями, великимъ собраніемъ барокъ на рѣкахъ и караванами по дорогамъ, везущими товары изъ всѣхъ странъ свѣта; войсками, приходящими на караулъ изъ дальныхъ Провинцій; въѣздами Посланниковъ съ ихъ многочисленными свитами, пріѣжжающихъ изъ другихъ Государствъ для объявленія о щастливыхъ происшествіяхъ, или для заключенія союзовъ. Подходилъ какъ можно ближе къ ихъ окружностямъ; смотрѣлъ съ удивленіемъ на длинные столбы пыли, производимые множествомъ путе-

 ше-

шественниковъ; и чувствовалъ непреодолимое желанїе при смѣшанномъ шумѣ, выходящемъ изъ большихъ городовъ, и который въ сосѣдственныхъ поляхъ подобился ропоту волнъ, разбивающихся о берега морскїе. Я говорилъ самъ себѣ: Собранїе людей столь разныхъ состоянїй, которые совокупляютъ вмѣстѣ свое трудолюбїе, богатство и радости, долженствуетъ дѣлать изъ города пребыванїе утѣхъ. Но ежели не позволено мнѣ приближиться къ нему днемъ, то кто запрещаетъ войти въ него ночью? Слабая мышь, которая имѣетъ столько непрїятелей, бѣгаетъ, гдѣ хочетъ, при помощи мрака; она переходитъ изъ хижины бѣднаго во дворецъ Государевъ: для наслажденїя жизнїю, ей довольно быть освѣщаемой сїянїемъ звѣздъ; на что же мнѣ требовать солнечнаго? Я размышлялъ такимъ образомъ въ окрестностяхъ Дели; и такъ ободрился, что вошелъ

въ него ночью черезъ Лагорскія ворота. Сперва прошелъ я длинную пустую улицу, по сторонамъ которой стояли домы съ терассами и съ сводами, подъ коими находились лавки купцовъ. Въ нѣкоторомъ разстояніи встрѣчались мнѣ большіе каравансераи, крѣпко запертые, и обширные базары, или площади, гдѣ царствовала глубокая тишина. Приближаясь къ внутренности города, я прошелъ сквозь великолѣпную улицу Омраговъ, украшенную домами и садами, расположенными вдоль рѣки Геммы. Воздухъ наполнялся шумомъ инструментовъ и поющихъ баядерокъ, которыя плясали на берегу рѣки при свѣтѣ факеловъ. Я подошелъ къ дверямъ одного сада, чтобъ насладиться столь пріятнымъ зрѣлищемъ; но меня устрашили невольники, которые отгоняли палками всѣхъ бѣдныхъ. Удалившись отъ части большихъ Господъ, я прошелъ подлѣ многихъ пагодовъ

моего закона, гдѣ великое число нещастныхъ, простершись на землѣ, проливали слезы. Я спѣшилъ уйти при видѣ сихъ монументовъ суевѣрія и страха. Далѣе пронзительные голоса молловъ, возвѣщавшихъ съ башенъ часы ночи, увѣрили меня, что я находился у дверей какой нибудь мечети. Неподалеку оттуда были конторы Европейцовъ съ ихъ гербами, и часовые кричали безпрерывно: *Кабердаръ*! берегитесь! Потомъ увидѣлъ я большое зданіе, которое показалось мнѣ тюрьмою, судя по шуму цепей и стенаніямъ, изъ него выходящимъ. Вскорѣ за тѣмъ услышалъ я вопль горести въ большемъ гошпиталѣ, откуда везли телѣгу, наполненную мертвыми тѣлами. Продолжая путь, встрѣтилъ я разбойниковъ, бѣжавшихъ по улицамъ; отряды гвардіи, преслѣдующіе ихъ; толпы нищихъ, которые не смотря на палочные удары просили у дверей домовъ какихъ нибудь

ос-

остатковъ отъ праздника; а индѣ женщинъ, публично себя безчестящихъ, чтобъ имѣть безбѣдное пропитанїе. Наконецъ послѣ долговременной ходьбы, я пришелъ къ обширной площади, окружающей крѣпость, гдѣ живетъ Великой Моголъ. Она была покрыта палатками Раяговъ или Набабовъ его гвардїи, и ихъ эскадронами, которые отличались одни отъ другихъ факелами, штандартами и длинными палками, у коихъ по концамъ были хвосты Тибетскихъ телицъ. Широкой ровъ, наполненный водою и уставленный артиллерїею, шелъ вокругъ всей крѣпости. Я разсматривалъ при свѣтѣ гвардейскаго огня дворцовыя башни, возвышавшїяся до облаковъ, и длину валовъ, терявшихся въ горизонтѣ. Я бы очень хотѣлъ взойти во внутренность: но большїе кораи или плети, повѣшенныя на столбахъ, отняли у меня охоту приближиться къ этому мѣсту. И такъ я остановился въ нѣко-

торомъ отдаленіи подлѣ Негровъ невольниковъ, позволившихъ мнѣ отдохнуть у огня, около котораго они сидѣли. Отсюда разсматривалъ я съ удивленіемъ Императорской дворецъ, и говорилъ самъ себѣ; Такъ здѣсь-то живетъ щастливѣйшій изъ смертныхъ! Для его пользы проповѣдуютъ столь многія религіи; для его славы пріѣжжаетъ столько Посланниковъ; для его казны столько Провинцій истощаются; для его роскошей столько каравановъ путешествуютъ; и для его безопасности столько вооруженныхъ людей бодрствуютъ ночи въ тишинѣ!

Между тѣмъ какъ я размышлялъ такимъ образомъ; то раздались на площади радостные крики, и показались восемь верблюдовъ, украшенные лентами. Я узналъ, что они везли головы бунтовщиковъ, посланные Моголовыми Генералами изъ Провинціи Деканской, гдѣ одинъ изъ его сыновей, здѣланный имъ Губернаторомъ,

ромЪ, воевалЪ уже три года сЪ нимЪ. Нѣсколько спустя потомЪ прискакалЪ курїерЪ на дромадерѣ, посланный для объявленїя о потерѣ одного пограничнаго города вЪ Индїи, которой зданЪ измѣною Комменданта Персидскому Шаху. ВЪ слѣдЪ за симЪ курїеромЪ прїѣхалЪ другой, отправленной отЪ Бенгальскаго Губернатора сЪ извѣстїемЪ, что Европейцы, которымЪ ИмператорЪ позволилЪ завести для коммерцїи контору при устьѣ Ганга, построили тамЪ крѣпость, и овладѣли рѣкою. Минуты черезЪ три послѣ прибытїя сихЪ двухЪ курьеровЪ, вышелЪ изЪ дворца офицерЪ сЪ отрядомЪ гвардїи. МоголЪ приказалЪ ему итти вЪ часть ОмраговЪ, и привести вЪ episcopal оковахЪ трехЪ вельможЪ, обвиненныхЪ вЪ согласїи сЪ Государственными врагами. ОнЪ велѣлЪ взять наканунѣ одного моллу, которой хвалилЪ вЪ своихЪ проповѣдяхЪ Шаха Персидскаго, и говорилЪ громко, что

Индѣйской Императоръ былъ невѣрной Государь; для того что противъ Магометова закона пилъ вино. Наконецъ былъ слухъ, что онъ велѣлъ удавить и кинуть въ Гемму одну изъ своихъ женъ, и двухъ Капитановъ своей гвардіи, уличенныхъ въ томъ, что принимали участіе въ бунтѣ его сына.

Между тѣмъ, какъ я разсуждалъ объ этихъ трагическихъ происшествіяхъ; то вдругъ изъ серальскихъ кухонь поднялся длинной столбъ огня: вихри дыму смѣшивались съ облаками, и его красной свѣтъ освѣщалъ башни крѣпости, рвы, площадь, возвышенныя зданія въ городѣ, и простирался до горизонта. Тотчасъ большія литавры и карнасы, или гвардейскія гобои, забили тревогу съ ужаснымъ шумомъ; эскадроны кавалеристовъ разсѣялись по городу, ломали двери у домовъ, стоящихъ подлѣ дворца, и принуждали всѣхъ жителей итти на пожаръ. Я и самъ почувствовалъ,

сколь

сколь сосѣдство вельможъ опасно бѣднымъ людямъ! Вельможи сходны съ огнемъ, которой жжетъ и тѣхъ самыхъ, кои слишкомъ близко курятъ имъ ѳиміамъ. Я хотѣлъ уйти; но всѣ выходы съ площади были заперты. Мнѣ бы не льзя было освободиться оттуда, ежелибъ мѣсто, гдѣ я стоялъ, не принадлежало по щастію къ сералю. Евнухи, вывозя изъ него женщинъ на слонахъ, облегчили побѣгъ мой: ибо хотя гвардія и принуждала побоями всѣхъ встрѣчавшихся бѣжать на помощь во дворецъ; но слоны своими хоботами ихъ отбивали. И такъ будучи гонимъ одними, и отталкиваемъ другими, я вышелъ изъ этого страшнаго хаоса; и при свѣтѣ пожара достигъ другаго конца предмѣстія, гдѣ народъ, удаленный отъ вельможъ, покоился послѣ трудовъ въ своихъ хижинахъ Тутъ-то я вздохнулъ свободно, и сказалъ самъ себѣ: И такъ я видѣлъ городъ! видѣлъ

жилище Повелителя народовъ! Но какой же онъ и самъ невольникъ! Онъ повинуется, и во время успокоенія, роскоши, честолюбію, суевѣрію, скупости; долженъ бояться и въ самомъ снѣ множества зложелателей, его окружающихъ; множества хищниковъ, нищихъ, придворныхъ, зажигателей, и даже своихъ солдатъ, вельможъ и священниковъ. Каковъ долженъ быть городъ днемъ, когда происходятъ тамъ такія смятенія ночью? Бѣдствія человѣческія умножаются съ ихъ наслажденіями. Какъ жалокъ Императоръ, которой всѣ оныя соединяетъ! Онъ долженъ страшиться междуусобной и внѣшней войны, и даже тѣхъ предметовъ, которые составляютъ его увеселеніе и оборону, своихъ Генераловъ, своей гвардіи, своихъ молловъ, женъ и дѣтей. Крѣпостные рвы не могутъ защитить его отъ призраковъ суевѣрія; ни его слоны, такъ хорошо обученные, удалить

отъ

отъ него мрачныя заботы. Что касается до меня, то я ничего этого не боюсь; никакой тиранъ не имѣетъ власти ни надъ моимъ тѣломъ, ни надъ моей душою. Я могу служить Богу по моей совѣсти, и не опасаясь никого; ежели претерпѣваю какія мученія, то только собственно отъ себя: право парія щастливѣе Императора! Сказавъ сіи слова, я прослезился; и упавъ на колѣни, благодарилъ небо, которое для наученія моего, чтобъ сносить терпѣливо бѣдствія, показало мнѣ людей, угнѣтаемыхъ гораздо несноснѣйшими.

Послѣ того я ходилъ только въ предмѣстія Дели, откуда видѣлъ, какъ свѣтили звѣзды надъ жилищами человѣческими, и мѣшались съ ихъ огнями, такъ какъ будто бы небо и городъ составляли одинъ удѣлъ. Когда луна освѣщала мѣста сіи, то я видѣлъ другіе цвѣты, нежели днемъ. Удивлялся башнямъ, домамъ и деревьямъ,

ямъ, въ одно и то же время по-серебреннымъ и покрытымъ флеромъ, далеко при томъ изображавшимся въ водахъ Геммы. Я проходилъ свободно большія части города, въ коихъ царствовало тогда молчаніе, и мнѣ казалось, что весь городъ былъ мой. Однако его жители не далибъ мнѣ и горсти пшена; до того религія дѣлала меня ненавистнымъ въ глазахъ ихъ! Такимъ образомъ не могши найти пищи между живыми людьми, я искалъ ея между умершими; ходилъ на гробы ѣсть кушанья, приносимыя благочестивыми родственниками, и предавался потомъ размышленію. Я говорилъ самъ себѣ: Здѣсь-то градъ спокойствія, поглощающій могущество и гордость; здѣсь невинность и добродѣтель въ безопасности; здѣсь прекращаются всѣ страхи, мятущіе насъ во время жизни, и даже страхъ самой смерти; здѣсь гостинница, гдѣ путешественники навсегда останавливаются, и гдѣ по-

покоится парія. Размышляя симъ образомъ, я желалъ смерти, и земля казалась мнѣ презрительною. Я глядѣлъ на востокъ, гдѣ всякую минуту показывалось множество звѣздъ. Хотя судьба ихъ была неизвѣстна мнѣ; но я чувствовалъ, что она соединена съ судьбою людей, и что Натура, произведши для нуждъ ихъ великое число невидимыхъ предметовъ, произвела по крайней мѣрѣ множество и видимыхъ. Душа моя возвышалась на тверди купно съ звѣздами; и когда аврора присоединяла къ ихъ тихому и вѣчному сїянїю свои розовыя тѣни; то я думалъ стоять предъ дверьми небесными. Но когда огни ея позлащали верьхи пагодовъ; то я исчезалъ, какъ тѣнь; уходилъ отъ людей, чтобъ успокоиться въ поляхъ при подошвѣ какого нибудь дерева, гдѣ и засыпалъ при пѣнїи птицъ.

Чувствительной и нещастной человѣкъ, сказалъ Агличанинъ,

повѣствованіе твое очень трогательно; повѣрь мнѣ, большая часть городовъ таковы, что надобно смотрѣть на нихъ только ночью. Да и самая натура имѣетъ въ это время красоты, которыя не менѣе привлекательны; извѣстный Стихотворецъ, мой соотечественникъ, единственно ими занимался, и воспѣвалъ ихъ. Но скажи мнѣ, что ты здѣлалъ наконецъ, чтобъ быть щастливымъ при дневномъ свѣтѣ?

И этого уже много, чтобъ быть щастливымъ ночью, отвѣчалъ Индѣецъ; натура походитъ на пригожую женщину, которая днемъ показываетъ только красоту своего лица, а ночью открываетъ тайныя прелести своему любовнику. Но естьли уединенiе имѣетъ свои прiятности, то имѣетъ и недостатки; оно кажется нещастному спокойною пристанью, откуда онъ смотритъ на порывъ страстей въ другихъ людяхъ, не будучи самъ ими волну-

нуемъ: но между тѣмъ какъ онъ веселится своею непоколебимостью, то время увлекаетъ и его самаго. Никто не бросаетъ якоря въ рѣку жизни; она уноситъ равно того, кто борется съ ея стремленїемъ, и того, кто предается ему, мудраго и безумнаго, и оба достигаютъ конца дней своихъ, одинъ употребивъ ихъ во зло, а другой не насладившись ими. Я не хотѣлъ быть умнѣе Натуры, ни искать благополучїя внѣ законовъ, которые она предписала человѣку. Я искалъ больше всего друга, которому бы могъ сообщать мои удовольствїя и печали. Искалъ его долгое время посреди равныхъ себѣ, но видѣлъ только завистниковъ. Однакожъ я нашелъ наконецъ друга чувствительнаго, благодарнаго, вѣрнаго и неподверженнаго предразсудкамъ; правда, что это былъ не человѣкъ, но животное, и именно вотъ эта собака! Ее выкинули маленькую на улицу, гдѣ она почти

умирала съ голоду. Я сжалился надъ нею, и вскормилъ ее; она привязалась ко мнѣ, и съ тѣхъ поръ мы не разстаемся другъ съ другомъ. Этого недовольно, мнѣ надобенъ былъ другъ нещастливѣе собаки, которой бы зналъ всѣ бѣдствія человѣческаго общества, и помогалъ бы мнѣ сносить ихъ; которой бы желалъ только сокровищъ натуры, и съ коимъ бы я могъ ими пользоваться. Два слабыя дерева не иначе противятся бурѣ, какъ сплетшись между собою. Провидѣніе исполнило мои желанія, ниспославъ мнѣ добрую жену. При источникѣ своихъ нещастій я здѣлался благополученъ. Въ одну ночь, какъ былъ я на кладбищѣ Браминовъ; то лунной свѣтъ показалъ мнѣ молодую Браминку, до половины закрытую желтымъ покрываломъ. Увидѣвъ женщину изъ роду моихъ тиранновъ, я отступилъ отъ ужасу; но и опять приближился къ ней, влекомъ будучи состраданіемъ. Она ставила ку-

кушанье на бугоръ, который покрывалъ пепелъ ея матери, незадолго передъ тѣмъ заживо сожженной съ тѣломъ ея отца, по обычаю ихъ секты; и она курила ѳиміамъ, призывая тѣнь его. Слезы показались на глазахъ моихъ при видѣ человѣка гораздо нещастнѣйшаго, нежели я. Я сказалъ самъ себѣ: Ахъ, Боже мой! я обремененъ оковами поношенія, а ты, злополучная! отягчена оковами славы. Я по крайней мѣрѣ живу спокойно во глубинѣ своей пропасти, а ты дрожишь безпрестанно на краю оной! Та же судьба, которая похитила у тебя мать, грозитъ и тебя восхитить нѣкогда. Ты получила одну жизнь, а должна умереть два раза; ежели твоя собственная смерть не повергнетъ тебя во гробъ, то смерть твоего супруга вовлечетъ тебя въ оной живую! Я плакалъ, и она плакала; наши глаза, наполненные слезами, встрѣтились и говорили, какъ глаза нещаст-

ныхъ: она отвратила свои, опустила покрывало, и ушла. Въ слѣдующую ночь я пришелъ опять на тоже мѣсто. Въ этотъ разъ она положила больше съѣстныхъ припасовъ на гробъ своей матери, подумавъ конечно, что я имѣлъ въ нихъ нужду; а какъ Брамины отравляютъ часто похоронныя свои блюда, дабы паріи ихъ не ѣли; то чтобъ вывесть меня изъ страху, она принесла только фрукты. Я былъ тронутъ такимъ знакомъ человѣколюбія; и чтобъ доказать ей почтеніе, какое имѣлъ къ ея дочернему приношенію, то вмѣсто того, чтобъ взять плоды, прибавилъ къ нимъ нѣсколько цвѣтовъ. Это былъ макъ, который показывалъ участіе, принимаемое мною въ ея печали. На другую ночь я съ радостію увидѣлъ, что ей понравилась моя жертва; макъ былъ политъ, и она поставила новую корзинку съ фруктами въ нѣкоторомъ отдаленіи отъ гроба. Жалость и благодарность ободрили

рили меня. Не смѣя говорить съ ней, какъ парїя, дабы не огорчить ее, я вознамѣрился, какъ человѣкъ, выразить ей всѣ движенїя, которыя она породила въ душѣ моей; и для того, слѣдуя обычаю Индѣйцовъ, употребилъ языкъ цвѣтовъ, и къ маку прибавилъ бархатцовъ. Черезъ день я нашелъ, что макъ и бархатцы были политы. Въ другую ночь я здѣлался смѣлѣе, и къ маку и бархатцамъ присовокупилъ цвѣтокъ фульсапатъ, которой служитъ башмачникамъ для приданїя черного цвѣту кожѣ, какъ выраженїе униженной и нещастной любви моей. Назавтра, при наступленїи дня, я побѣжалъ ко гробу; но нашелъ фульсапатъ засохшїй, для того что онъ не былъ политъ. Въ слѣдующую ночь я положилъ съ трепетомъ тюльпанъ, котораго красныя листья и черное сердечко показывали пламень, коимъ сгаралъ я. На другой день я нашелъ тюльпанъ въ такомъ же

состоянїи, какЪ и фульсапатЪ. Я пораженЪ былЪ горестью; однакожЪ на третїй день принесЪ нераспустившїйся розанЪ сЪ иглами, какЪ признакЪ моей надежды, смѣшанной сЪ великимЪ страхомЪ. Но вЪ какое пришелЪ я отчаянїе, когда при первыхЪ лучахЪ солнца увидѣлЪ свой розанЪ, далеко отброшенный отЪ гроба! Я думалЪ, что лишусь ума, и во что бы то ни стало, рѣшился поговорить сЪ нею. ВЪ наступившую ночь, какЪ скоро она показалась. я бросился кЪ ея ногамЪ; но не могЪ произнести ни слова, подавая ей розанЪ. Она сказала мнѣ: ,, Нещастный, ты говоришь о любви; а меня скоро уже не будетЪ! РокЪ повелѣваетЪ, чтобЪ я по примѣру моей матери взошла на костерЪ сЪ мужемЪ, который только что умерЪ; онЪ былЪ старЪ, я вышла за него робенкомЪ: прости, удались и позабудь меня; черезЪ три дни я буду не иное что, какЪ горсть

пец-

пеплу." Сказавъ сіи слова, она вздохнула. Погруженный въ уныніе, я отвѣчалъ ей: "Злополучная отрасль Браминовъ, природа прервала узы, возложенныя на тебя обществомъ; разорви теперь узы суевѣрія! Ты можешь это здѣлать, выбравъ меня въ супруги. Какъ! воскликнула она плачучи, ты хочешь, чтобъ я избѣгла смерти, дабы жить съ тобою въ посрамленіи? Ахъ! ежели ты меня любишь; то оставь меня, и я охотно покорюсь своей участи. Сохрани Богъ, вскричалъ я, чтобы я для того хотѣлъ извлечь тебя изъ нещастія, дабы повергнуть въ другое! Любезная моя, потечемъ вмѣстѣ во глубину лѣсовъ; гораздо лучше положиться на тигровъ, нежели на людей. Богъ, на котораго я уповаю, не оставитъ насъ. Потечемъ: любовь, ночь, твое нещастіе, твоя невинность, все намъ благопріятствуетъ. Поспѣшимъ, нещастная вдова! Уже кос-

терЪ твой готовЪ, и умершїй супругЪ зоветЪ тебя кЪ нему. Бѣдная опроверженная лїана, обвейся около меня; я буду твоимЪ пальмомЪ. Тогда взглянувЪ со вздохомЪ на гробЪ своей матери, и потомЪ на небо, она подала мнѣ руку, взявЪ другою мой розанЪ. Я тотчасЪ пустился сЪ нею вЪ дорогу, и бросилЪ ея покрывало вЪ ГангЪ, дабы увѣрить родственниковЪ, что она утонула. Мы шли нѣсколько ночей вдоль рѣки, укрываясь днемЪ вЪ поляхЪ, засѣянныхЪ сорочинскимЪ пшеномЪ. НапослѣдокЪ прибыли вЪ эту сторону, которую война нѣкогда опустошила. Я проникЪ вЪ самую чащу лѣса, построилЪ эту хижину, развелЪ небольшой садикЪ; и мы живемЪ здѣсь очень щастливо. Я почитаю жену свою, какЪ солнце, и люблю какЪ луну. ВЪ этомЪ уединенїи мы замѣняемЪ все другЪ для друга: пусть презираетЪ насЪ свѣтЪ, взаимное почтенїе

дѣ-

дѣлаетъ для насъ похвалы, которыя она отъ меня, или я отъ нея получаю, гораздо прiятнѣе рукоплесканiй цѣлаго народа. Сказавъ сiи слова, онъ взглянулъ на своего робенка, лежащаго въ колыбели, и на жену, которая плакала отъ радости.

Докторъ отерши свои слезы, сказалъ хозяину: это правда, что многое, къ чему люди оказываютъ почтенiе, бываетъ часто презрительно, а то, что они презираютъ, достойно всякаго почтенiя. Но Богъ правосуденъ; ты въ тысячу разъ щастливѣе въ своемъ мрачномъ убѣжищѣ, нежели начальникъ Жагренатскихъ Браминовъ во всей своей славѣ. Онъ подверженъ, какъ и его секта, всѣмъ перемѣнамъ фортуны; на Браминовъ падаетъ по большой части бичь междуусобной и внѣшней войны, разоряющей уже нѣсколько столѣтiй вашу прекрасную землю; къ нимъ прибѣгаютъ часто для полученiя на-

сильственныхъ зборовъ, въ разсужденіи той власти, которую они имѣютъ надъ умами народовъ. Но что еще горестнѣе, то они первые дѣлаются жертвами безчеловѣчной своей религіи. Проповѣдуя заблужденіе, они сами заражаются онымъ, до того, что теряютъ чувствованіе истинной справедливости, человѣколюбія и благочестія. Они связаны цепями суевѣрія, которыми хотятъ оковать своихъ соотечественниковъ; принуждены всякую минуту мыться, очищаться и воздерживаться отъ многихъ невинныхъ наслажденій; наконецъ, чего не можно сказать безъ ужаса, въ слѣдствіе своихъ варварскихъ правилъ, они жгутъ заживо своихъ родственниковъ, матерей, сестеръ и собственныхъ дочерей: такъ-то наказываетъ ихъ Натура, которой они нарушаютъ законы! Что касается до тебя; то тебѣ позволено быть чистосердечнымъ, добрымъ, справедливымъ, гостепріимнымъ, на-

набожнымъ; а сверьхъ того низость твоя предохраняетъ тебя отъ ударовъ фортуны, и отъ худыхъ толковъ.

Послѣ сего разговора парія пожелалъ спокойной ночи своему гостю, и удалился съ женою и колыбелью своего робенка въ небольшую ближнюю комнату.

На другой день, на зарѣ, Докторъ проснулся отъ пѣнія птицъ, свившихъ гнѣзда на вѣтвяхъ Индѣйской смоковницы, и отъ голосу паріи и его жены, читавшихъ вмѣстѣ утреннюю молитву. Онъ всталъ, и очень пожалѣлъ, увидѣвъ сквозь двери комнаты, изъ которой парія и жена его поздравили его съ добрымъ утромъ, что у нихъ не было другой постели, кромѣ той, на коей онъ спалъ. Между тѣмъ какъ хозяева занялись приготовленіемъ завтрака; то онъ пошелъ прогуливаться въ садъ, которой вмѣстѣ съ хижиною окруженъ былъ сводами смоковницъ, такъ сплетенныхъ.

ныхъ, что они казались быть стѣною, непроницаемою для самыхъ глазъ. Онъ могъ только видѣть поверьхъ листьевъ красные бока скалъ, замыкавшихъ долину, и изъ подошвы которыхъ выходилъ небольшой источникъ, напоявшій садъ сей, разведенный безъ наблюденія порядка. Тутъ видны были мангустаны, померанцы, кокосы, литши, дуріоны, манги, жамрозы, бананы и другія растѣнія въ цвѣтѣ и съ плодами. Самые корни были ими покрыты; бетель извивался вокругъ пальмовъ, а перецъ вдоль сахарнаго тростника. Воздухъ наполнялся ихъ благовоніемъ. Хотя многія деревья были еще въ тѣни; но первые лучи авроры освѣщали ихъ вершины: между ими перелетывали маленькія колибри, испещренныя рубинами и топазами, между тѣмъ какъ бенгалки и другія птицы, скрываясь подъ влажными листьями, пѣли пріятные концерты.

Докторъ прогуливался подъ сими прелестными сводами, будучи удаленъ отъ ученыхъ и высокомѣрныхъ помысловъ, какъ парія пригласилъ его къ завтраку. Твой садъ очень красивъ, сказалъ ему Агличанинъ; я не нахожу въ немъ другаго пороку, кромѣ того, что онъ малъ; будучи на твоемъ мѣстѣ, я бы прибавилъ лужайку, и распространилъ бы его до самой рощи. Государь мой, отвѣтствовалъ парія, чѣмъ меньше мѣста, тѣмъ болѣе бываетъ оно занято: довольно одного листочка для гнѣзда мухи птицы. Послѣ сихъ словъ они вошли въ хижину; жена парія кормила своего робенка, но тотчасъ вставши, подала завтракъ. Послѣ тихой бесѣды, Докторъ хотѣлъ было ѣхать, какъ Индѣецъ сказалъ ему: Любезной гость, всѣ окрестности покрыты еще дождевою водой, и дороги очень дурны; проведите этотъ день съ нами! Я не могу этого здѣлать, сказалъ Докторъ;

со мною очень много людей. Вѣрно вамъ хочется, продолжалъ парїя, какъ можно поскорѣе оставить землю Браминовъ, чтобъ возвратиться въ Христїанскую, гдѣ законъ всѣмъ вообще повелѣваетъ жить побратски. Докторъ всталъ, и испустилъ глубокой вздохъ: тогда парїя далъ знакъ своей женѣ, которая опустивъ глаза въ землю, и не говоря ни слова, поднесла Доктору корзину съ цвѣтами и фруктами. Парїя говоря за нее, сказалъ Агличанину: Государь мой, извините нашу бѣдность! Мы не имѣемъ, для окуриванїя своихъ гостей по обычаю Индѣйцовъ, ни амбры, ни дерева алое; у насъ есть только цвѣты и фрукты: но я надѣюсь, что вы не презрите этой карзинки, наполненной руками жены моей. Тутъ нѣтъ ни маку, ни бархатцовъ; но все жасмины, мугри и баргамоты, какъ знакъ, по ихъ долговременному благовонїю, нашей привязанности, которой воспоми-

минанїе будетъ услаждать насъ и тогда, какъ мы разлучимся. Докторъ взялъ корзину, и сказалъ парїѣ: Я не могу довольно возблагодарить тебя за твою ласку, и доказать тебѣ все мое почтенїе. Прими эти золотыя часы; они Грингамовы, самаго славнаго часовщика въ Лондонѣ, и ихъ одинъ только разъ заводятъ въ году. Парїя отвѣчалъ ему: Государь мой, намъ не нужны часы; у насъ есть такїя, которыя всегда идутъ, и никогда не портятся; я разумѣю солнце. Мои часы означаютъ время боемъ, присовокупилъ Докторъ; а наши птицы пѣнїемъ, возразилъ парїя. Ну инъ по крайней мѣрѣ, сказалъ Докторъ, возьми эти коралловыя нитки, изъ коихъ можетъ выттти красное ожерелье женѣ твоей и робенку. Жена моя и робенокъ, отвѣчалъ Индѣецъ, никогда не будутъ имѣть недостатка въ красныхъ ожерельяхъ, пока ста-

нетъ цвѣсть въ саду нашемъ Ангольской горохъ. И такъ прими, сказалъ Докторъ, сїи пистолеты, коими ты можешь въ своемъ уединенїи оборониться отъ воровъ. Бѣдность, сказалъ парїя, есть оплотъ, удаляющїй отъ насъ хищниковъ; серебро, которымъ ваше оружїе покрыто, уже одно въ состоянїи привлечь ихъ. Ради Бога, который насъ защищаетъ, и отъ коего мы ожидаемъ награды, не унижайте нашего гостепрїимства! Однакожъ, сказалъ Агличанинъ, я бы желалъ, чтобъ ты что нибудь взялъ у меня. И такъ, любезной гость, отвѣтствовалъ парїя, поелику вы этого хотите; то я беру смѣлость предложить вамъ мѣну; дайте мнѣ свою курительную трубку, и возьмите мою. Всякой разъ, какъ я буду курить изъ ней; то вспомню, что одинъ Европейской Пандектъ не презрилъ посѣтить одного бѣднаго парїи. Докторъ

тот-

тотчасъ отдалъ ему трубку свою изъ Аглинской кожи, у которой конецъ былъ янтарной, и взялъ парїеву, которая была бамбуковая, а чубукъ глиняной.

Послѣ сего кликнулъ онъ своихъ людей, которые всѣ перезябли отъ дурнаго ночлега, и поцѣловавъ парїю, сѣлъ въ паланкинъ. Парїева жена, съ навернувшимися на глазахъ слезами, осталась у дверей хижины, держа на рукахъ своего робенка; но мужъ ея проводилъ Доктора до конца лѣсу, произнося тысячу благословенїй. Да наградитъ васъ Богъ, говорилъ онъ, за ваше снисхожденїе къ нещастнымъ! Да услышитъ мои молитвы, и приведетъ васъ благополучно въ Англїю, землю ученыхъ и друзей, которые для благополучїя человѣческаго ищутъ истины по всему свѣту! Докторъ отвѣтствовалъ ему: Я объѣхалъ половину земли, и видѣлъ вездѣ одни заблужденїя и

 раз-

раздоры; а истинну и благополучіе нашелъ только въ твоей хижинѣ. Послѣ сихъ словъ они разстались, проливая обильныя слезы. Докторъ былъ уже далеко въ полѣ, какъ оглянувшись назадъ, увидѣлъ еще добраго парію, стоящаго при подошвѣ одного дерева, и говорившаго знаками: прости!

Возвратившись въ Калькуту, Докторъ поѣхалъ въ Шандернагоръ, а оттуда въ Англію.

Пріѣхавъ въ Лондонъ, онъ подалъ 90 кипъ манускриптовъ Председателю Королевскаго общества, которой велѣлъ положить ихъ въ Британской Музей, гдѣ ученые и Журналисты еще и понынѣ переводятъ ихъ, дѣлаютъ своды, хвалятъ, критикуютъ и ругаютъ.

Что касается до Доктора, то онъ зберегъ для себя три паріева отвѣта о истиннѣ. Онъ часто курилъ изъ его трубки; и когда у него спрашивали, что онъ узналъ въ своемъ путешествіи,

ствїи, то онъ отвѣтствовалъ: надобно искать истинны съ простымъ сердцемъ; можно найти ее только въ натурѣ, а сообщать должно единственно добрымъ людямъ; къ чему присовокуплялъ, что человѣкъ бываетъ токмо щастливъ съ доброю женою.

КОНЕЦЪ.

